

Они обменялись взглядами и в неожиданно повисшей неловкой паузе облегчённо выдохнули. Сдавшись, они подняли руки:

— Ладно, ладно, не будем, не будем. В общем, про неё и говорить-то нечего.

Тан Сяожань хотела что-то сказать, но колебалась. Ей хотелось объяснить, что она совсем не ненавидит Сяо Шисинь.

Но увидев, как они снова оживлённо заговорили о других богатых семьях города S, она проглотила слова, уже готовые сорваться с губ.

«Ладно, объяснять им — бессмысленно».

Она сослалась на то, что вечером дома семейный ужин, и отказалась от предложения поехать с ними. Когда те с недовольным видом пробурчали «скукотища», она лишь улыбнулась и повернулась к школьным воротам.

Скукотища так скукотища. В конце концов, те, кто заставлял бы её сердце биться чаще, были совсем не эти двое.

Опустив глаза, она посмотрела на экран телефона, где застыла переписка нескольких днейней давности, и невольно улыбнулась, прищурившись. Поднеся телефон к лицу, она записала несколько голосовых сообщений.

*

Шторы были задёрнуты наполовину, и прозрачное стекло пропускало лишь смутные отблески ярких огней ночного города, совершенно не привлекая внимания находящегося внутри.

У открытой кухни, у столешницы, стояла фигура, опустив голову и нарезая большой кочан капусты.

Равномерно раздавался звук «кр-кр», иногда слышалось бульканье кипящей воды в маленькой кастрюльке на плите. Однако, то ли из-за исходящего от неё холода, то ли из-за отсутствия в комнате живого тепла, эта картина не вызывала никакого уюта.

«Если бы вместо нарезки овощей она рубила мясо, это вполне могло бы напомнить сцену из фильма ужасов».

Лежащий на чистом краю столешницы телефон мигнул. Она бросила на него взгляд, собираясь проверить, кто написал, чтобы потом выключить его.

Нажав кнопку питания, она увидела несколько голосовых сообщений от Тан Сяожань. Её палец завис над экраном на мгновение, но затем всё же нажал кнопку.

Из динамика раздался живой голос:

— Сяо-цзе, ты вернулась? Почему мне ничего не сказала?

— Ты закончила работу? Может, поужинаем вместе?

Лёд в глазах Сяо Шисинь дал трещину.

Никто не знал, что на самом деле в глубине души она скрывала вспышку безудержной ярости,

некуда деть.

Поразмыслив, она уже собиралась отказать маленькой Тан в её приглашении, как вдруг в следующую секунду раздался входящий звонок.

Пришлось взять трубку.

— Сяо-цзе, знаешь, какая я несчастная? Сегодня не могу никого позвать с собой на ужин, а одна идти в столовую не хочу.

— Сяо-цзе, не угостишь ли ты эту бедняжку ужином?

На том конце провода было довольно шумно, даже больше, чем бушевавшие в ней чувства, но, удивительным образом, этот шум заставил ауру вокруг неё успокоиться.

Помолчав довольно долго — она сама не знала, вздохнула ли она, — она тихо ответила:

— Я дома. Можешь приходить прямо сюда.

Когда Тан Сяожань повернула дверную ручку и вошла в гостиную, увиденная картина заставила её замереть на несколько секунд, прежде чем она смогла выдавить хоть звук.

Панорамное окно было закрыто тяжёлыми шторами наполовину, вторая же половина отражала яркие огни снаружи.

Человек в чёрном деловом костюме стоял на этой границе света и тени, спиной к ней. И хотя замок, который Сяо Шисинь открыла ей ранее, явно позволил ей войти, сейчас она казалась совершенно не замечающей её появления, оставаясь на месте, не двигаясь ни на дюйм.

Холодный белый свет верхнего освещения падал на неё, и Тан Сяожань показалось, что она видит перед собой горный снег Тянь-Шаня.

— Сяо... Сяо-цзе? — нерешительно попыталась она, и её голос нарушил застывшее в комнате заклятие, возвращая к ней все ощущения, которые она на мгновение потеряла из-за оцепенения.

Тонкий звук «у-у» раздался в комнате, и лёгкий аромат коснулся её ноздрей, постепенно усиливаясь. В запахе тушёных соевых бобов проступало соблазнительное мясо, которое вызывало немедленный аппетит.

Она обернулась и только тогда заметила глиняный горшок на плите, что томился на медленном огне. Из-под крышки поднималась тоненькая струйка пара.

Именно оттуда, пробираясь вместе с паром, доносился этот дразнящий запах.

Сяо Шисинь уже слышала, как она вошла, но чувствовала, что её настроение ещё не полностью успокоилось, поэтому решила ещё немного постоять одной, глядя на ночной пейзаж, чтобы прийти в себя.

Когда Тан Сяожань окликнула её, она развернулась. Её слегка узкие, с красивым изгибом глаза лишь скользнули по Тан Сяожань, после чего она спокойно кивнула в сторону маленького столика в гостиной и произнесла:

— Помой руки, будем ужинать.

Тан Сяожань почувствовала, как кровь в её жилах, которую не смог остудить даже ледяной ветер до прихода, мгновенно замёрзла под порывом этого вечного снега с горной вершины.

Она беспокойно застыла на месте, размышляя, не сделала ли она чего-то не так.

Не стоило ли ей вообще говорить об этом?

— Сяо-цзе, я, может быть, сделала что-то не так и тебя расстроила? — пока Сяо Шисинь раскладывала приборы и подходила к столу, Тан Сяожань продолжала стоять на месте.

Когда прозвучали эти слова, человек с холодным лицом поднял веки и увидел лицо, которое старательно скрыло своё беспокойство, всё ещё выглядящее довольно юным.

В её карих глазах даже мелькнул испуг.

И тогда тот огонь, который Сяо Шисинь так боялась, сдерживала и яростно прятала в глубине души, внезапно погас. Его место тут же заняли другие эмоции.

Кончик сердца с запозданием кольнуло болью.

Сяо Шисинь, ты её напугала.

Она кончиком языка коснулась зубов, мысленно обкатывая одну фразу.

Когда она снова заговорила, тон стал намного мягче, и даже в её чёрных, как смоль, глазах, сверкавших острой яркостью, постепенно проступила нежность.

— Нет, всё хорошо.

Тан Сяожань слегка выдохнула с облегчением и только тут сообразила, что нужно помыть руки к ужину. Быстро бросив сумку, она маленьким бегом направилась на кухню мыть руки.

Под шум воды её улыбка вернулась, и в сторону Сяо Шисинь, которая казалась снова немного более «человечной», она игриво высунула язык и спросила:

— То есть... Сяо-цзе, ты расстроена из-за... из-за дел в компании раньше?

Сяо Шисинь раскладывала две пары палочек на журнальном столике и, подойдя к обеденному столу, опустила взгляд на обильно заставленную посуду поверхность. Помолчав немного, она ответила:

— Нет.

Тан Сяожань исключила ещё один вариант и уже собиралась спросить, продолжать ли дальше, как вдруг услышала ответ самой Сяо Шисинь:

— Это семейные дела.

В этот момент Тан Сяожань уже помыла руки и, подойдя к столу, была ослеплена обилием блюд, тут же выбросив все вопросы из головы.

Она с удивлением широко раскрыла глаза, глядя на Сяо Шисинь:

— Сяо-цзе, сколько же ты это готовила...?

Главный вопрос был в том, что еды было слишком много! Они вдвоём просто не смогут всё съесть!

Сяо Шисинь не ответила на её вопрос, а лишь спокойно спросила:

— Что любишь?

Тан Сяожань в растерянности указала на три-четыре блюда, и Президент Сяо кивнула, взяла два из названных ею и направилась к микроволновке.

В ответ на её вопросительный взгляд она пояснила:

— Остыло, надо разогреть.

Вот почему раньше приборы расставляли на журнальном столике в гостиной...

На обеденном столе просто не оставалось места.

Нет.

Главный вопрос был в другом: почему Сяо Шисинь, будучи дома одна, приготовила столько еды?

Тан Сяожань повернулась в сторону гостиной, слегка прикусив нижнюю губу, и с недоумением спросила:

— Сяо-цзе, сегодня ужинаем у тебя дома точно только мы вдвоём, верно?

Сяо Шисинь, стоявшая спиной к ней и наблюдавшая за микроволновкой, равнодушно отозвалась.

И маленькая Тан очень озадаченно стояла и смотрела на её спину, пока микроволновка не издала звуковой сигнал.

Этот звук словно включил лампочку в её голове.

Она послушно уселась на диван и, когда Сяо Шисинь расставила блюда и взяла палочки —

Внезапно спросила:

— Сяо-цзе, значит, твой способ выпускать пар, когда настроение плохое — это бесконечно готовить?

И даже в плохом настроении готовить настолько мастерски!

Отправив в рот кусочек тушёной фасоли, Тан Сяожань мысленно добавила.

Сяо Шисинь как раз отправляла ложку риса в рот и, услышав её вопрос, замедлила движения.

Подняв веки, она посмотрела на человека, который уже вела борьбу с куриными крылышками с помощью палочек, но ничего не сказала.

Прошло достаточно времени для того, чтобы Тан Сяожань успешно разделила две кости, поклявшиеся быть вместе навечно, и благополучно извлекла мясо между ними, прежде чем

она услышала очень тихое и спокойное:

— Угу.

— Угу? — Тан Сяожань, держа одну из костей в зубах, недоумённо посмотрела на неё.

Авторская заметка: Маленькая сцена:

Тан-дахэ, который мог бы быть приглашён на ужин: ...безразличие.

Хи-хи-хи, у Сяо-цзе есть маленький секрет, и этот секрет заставляет меня задуматься, не стоит ли поменять подсказку в аннотации хехехе.

<http://bllate.org/book/16430/1489267>